

Борис Васильевич
Черкасский

Вторая жизнь в депозитарии

Российский фондовый рынок еще очень молод. Пока он моложе любого, работающего на нем. Официальной даты начала существования российского фондового рынка нет. В 1996 году при выпуске памятной медали мы в Центральном банке решили, что рынок начался с выхода Постановления Совета Министров РСФСР № 601 «Положение об акционерных обществах». Если согласиться с этим, то можно сказать, что российский фондовый рынок появился 25 декабря 1990 года. Конечно, эта дата весьма условна и годится не более чем для организации юбилейных торжеств, но все-таки 16 прошедших лет — это немало. Времена были бурные, события наложились друг на друга, что-то начинает забываться. Ветеранам пора начинать вспоминать прошедшие дни, а то скоро мы все забудем, и молодежь начнет спрашивать: «Что не поделили ФКЦБ и Банк России и зачем нужны были депозитарии-попечители?» А если серьезно, то вспоминать старое не только интересно, но и полезно. Надо отчетливо осознавать, насколько далеко мы ушли от исходной точки, и не ходим ли подчас по кругу, регулярно наступая на грабли, лежащие на том же самом месте.

Наверное, я могу считаться ветераном фондового рынка, потому что работаю в разных депозитариях с 1991 года. Но до сих пор не перестаю удивляться, как получилось, что депозитарная деятельность, не сильно отличающаяся от бухгалтерской, деятельность, которая должна была в первую очередь ассоциироваться со скукой, очками, лысиной и нарукавниками, все эти годы вызывала столь бурные страсти.

Депозитарий так депозитарий...

Как и многое в начале 90-х, депозитарное дело в России создавали молодые (по большей части) «инноваторы». Первоисточником стал молодой «дедушка российских депозитариев» Андрей Андреевич Козлов. В 1990 году после поездки в Германию, он написал самый первый депозитарный документ на русском языке «Рекомендации по ведению депозитарной деятельности», который остальные начинающие с трепетом и вниманием изучали наравне с переведенным на русский эпохальным докладом Группы 30-ти.

Б. В. Черкасский**1973–1986**

Стажер-исследователь, м.н.с., с.н.с., в Центральном экономико-математическом институте АН СССР

1986–1993

Заведующий лабораторией в Институте экономики и прогнозирования научно-технического прогресса АН СССР

1991–1992

Начальник депозитария РИНАКО

1993–1999

Ведущий экономист управления, а затем департамента ценных бумаг, начальник отдела контроля за инфраструктурной деятельностью кредитных организаций на финансовых рынках Банка России

2000

Руководитель группы развития Депозитарно-клиринговой компании (ДКК)

Я в это время был заведующим лабораторией в Институте экономики и прогнозирования научно-технического прогресса АН СССР. Времена были непростые, прожить на академическую зарплату стало нелегко, да и скучновато показалось оставаться на старом месте. Многие коллеги по институту находили себе новое применение: кто в правительстве, кто в рыночных структурах. И вот однажды в декабре 1991 года мой товарищ по институту Григорий Сапов, знакомый с Дмитрием Сухиненко, тогдашним руководителем РИНАКО, спросил, а не хочу ли я организовать в РИНАКО депозитарий? Слово было незнакомое, да и звучало как-то коряво, но от судьбы не уйдешь. Подумав пару дней и «пощупав ногой» протекавший мимо бурный и мутный поток, я решил: «Депозитарий так депозитарий...». Конечно, это была авантюра, да и альтернативы имелись. Но что теперь о них. Можно сказать, что в депозитариях мне довелось прожить «вторую жизнь». Получилось, наверное, не так уж плохо. Во всяком случае, скучать не пришлось.

Прочитал текст Козлова, Доклад Группы 30-ти и ничего особо сложного не увидел. В конце концов все депозитарное дело, по большому счету, состоит из двух действий: сложения и вычитания. А умножение и деление встречаются крайне редко. О прочих операциях вообще говорить не приходится. В общем, не гомотопическая топология и не гипотеза Пуанкаре — понять можно. Надо сказать, тогда на рынке только две организации: РИНАКО и АО «Центр «Московские финансы» — претендовали на то, чтобы быть депозитариями. Других просто не было. К моему приходу начерно уже была написана программа, обеспечивающая работу депозитария РИНАКО. Мне же потом пришлось писать к этой программе инструкцию — это было местами забавно.

Надо было собирать команду. Никаких специалистов по депозитариям, разумеется, в природе не существовало. Привел своих толковых знакомых Павла Курчанова, Леру Володину. Курчанов через некоторое время сменил меня на должности руководителя депозитария РИНАКО, когда проявились некоторые различия во взглядах на жизнь между мной и руководством. Потом Павел во главе депозитария РИНАКО прошел ваучерную приватизацию, создал и возглавил депозитарий ОНЭКСИМ Банка и совершил немало других депозитарных подвигов. До самого последнего времени он оставался на фондовом рынке, правда, переквалифицировавшись в брокеры. В штате РИНАКО были три девочки-операционистки.

2000–2003

Советник директора
Национального депозитарного центра (НДЦ)

2003–2005

Советник Управления
депозитарных операций ОАО
«Внешторгбанк»

2005 — наст. время

Директор НДЦ по развитию.
Кандидат физико-математических наук. Автор более 70 научных работ в основном на тему сетевых комбинаторных алгоритмов и разработчик множества оптимизационных программ в той же области. С помощью некоторых из этих программ считают до сих пор. Автор более 60 публикаций по депозитарной тематике

Одна из них, Катя Архипова, так и осталась в депозитарном мире: защитила диссертацию, стала кандидатом «депозитарных наук» и сейчас возглавляет отдел в НДЦ. В РИНАКО в ту пору роль либерально-креативного центра играл Анатолий Левенчук и его небольшая команда молодых людей, среди которых были заметны Виктор Агроскин, Владимир Скворцов, Александр Перцовский. Все они потом стали достаточно известными фигурами на российском фондовом рынке. А о депозитарных семинарах Левенчука я расскажу чуть позже.

Через пару месяцев депозитарий заработал. Начались операционные будни. Написали брошюру «Что такое депозитарий РИНАКО», где более или менее человеческими словами попытались объяснить остальному миру то, что сами только что поняли. Стали пробовать продавать программу на сторону. В частности, Александр Барщевский, тогда главный бухгалтер фирмы «Луноход», может рассказать, как мы пристроили ему депозитарную программу. Не знаю, была ли польза от этой программы «Луноходу», а вот Барщевский с тех пор так и застрял на депозитарном рынке.

Из того романтического времени вспоминаются еще начавшиеся тогда и продолжавшиеся вплоть до 1997 года депозитарные тусовки (иначе не назовешь), организуемые Анатолием Левенчуком. Это было весьма любопытное мероприятие, вызывавшее устойчивые ассоциации с Гайд-парком. Встреча обычно длилась 2–3 дня и проходила под Москвой сначала в «Юности» на Щелковском шоссе, а в конце под Солнечногорском. Съезжались туда и ЦБ, и ГКИ (потом ФКЦБ), и участники рынка. Не брезговали приезжать и выступать даже начальники — времена были тогда еще довольно демократичные. Атмосфера была раскованной, а дискуссии свободными. Чего стоили одни только многочасовые речи организатора на темы либертарианства. Остановить его можно было только силой. В общем, бывало забавно и иногда содержательно. Одним из фирменных знаков мероприятия была «стрельба по банкам». Нелюбовь ФКЦБ к банкам была широко известна, поэтому развлечение вошло в моду. Некоторые товарищи, запасшись алюминиевыми банками из-под пива и пневматическим пистолетом, регулярно устраивали на задворках учебные стрельбы. К счастью, несмотря на это, все участники тех встреч остались живы. Да и банкам забава не повредила.

В Банке России

Через какое-то время мои противоречия с руководством РИНАКО стали близки к антагонистическим. Пришлось попроситься в Банк России, и Андрей Козлов в августе 1993 взял меня в свое Управление ценных бумаг писать депозитарные документы. Туда несколько раньше пришел из

«Московских финансов» Александр Семин. Он стал руководителем депозитарного отдела из трех человек, а я его подчиненным. Надо было начинать процесс создания системы нормативных документов в этой области. Несколько документов были написаны мною в рамках депозитарного комитета ПАРТАД и вышли в качестве рекомендаций: «Основные принципы деятельности депозитариев» (декабрь 1994 года) и «Организация учета ценных бумаг на счетах депо (принципы классификации)» (октябрь 1995). В 1995 году Семин подготовил Письмо Банка России № 167 про депозитарную деятельность. Письмо было абсолютно невинным, но тогда оно стало на какое-то время чрезвычайно популярным и обсуждаемым. Вообще, это был романтический доисторический период. От него сохранились неплохие воспоминания, несколько документов, немалое количество депозитарных статей, опубликованных в разных сочетаниях (с Азимовой, с Демускиной, с Козловым, с Семиным, и др.) в журналах и даже газетах, и хорошие отношения с большинством из тех молодых сотрудников, вместе с кем довелось проработать в Банке России. Тогдашняя атмосфера в Банке России, а особенно в Управлении ценных бумаг, отличалась от теперешней. Но это тема для совсем другого разговора. А что касается статей, то поначалу я относился к ним без должного пиетета. Надо написать, что делать — напишем, хотя лень, некогда, тяжело и противно. Но не жалко: пусть читают, кому не лень. И только по прошествии нескольких лет понял, что писать надо обязательно. Удивительно, но оказалось, что многие коллеги по депозитарной жизни и в России, и в странах СНГ не только читали эти статьи, но и реально учились на них. Это оказалось столь же неожиданно для меня, сколь и приятно. В общем, надо не лениться и писать. Правильно говорят, что ненаписанное не существует.

В 1993 году в России началась приватизация. Появилась необходимость организации хранения и учета ваучеров, и депозитарные услуги стали реально востребованы. Приватизацией занималось Госкомимущество, поэтому, естественно, оно и начало заботиться о создании рынка акций, тогда как Центральный банк был занят рынком гособлигаций. ГКИ во многом основывалась на советах американских консультантов. Поэтому особый интерес оно проявляло к созданию регистраторов — одной из характерных черт англосаксонской модели инфраструктуры фондового рынка. Депозитарии для ГКИ были не самым любимым дитем, но тяжелая длань регулирования их тоже не миновала. Впрочем, начиналось взаимодействие между ЦБ и ГКИ и на депозитарные темы, и по другим вопросам довольно мирно. Но чем дальше, тем больше начали проявляться противоречия, что и привело к известному противостоянию между ФКЦБ и ЦБ, ставшему особенно острым в 1996–1997 годах.

То есть можно сказать, что в депозитарной области появился в дополнение к Банку России второй на тот момент «центр власти». Это была другая ветка развития Учетной системы фондового рынка: ФКЦБ, акции

и регистраторы в противовес Банку России, рынку ГКО и ММВБ. 9 марта 1993 года распоряжением Президента РФ № 163-РП была создана «на общественных началах» Комиссия по ценным бумагам и фондовым биржам при Президенте РФ. Позже, в ноябре 1994 года Указом Президента РФ № 2063 эта Комиссия была преобразована в Федеральную комиссию по ценным бумагам и фондовому рынку (ФКЦБ) при Правительстве РФ, а в 1996 году после выхода закона «О рынке ценных бумаг» приобрела всем известные современные очертания. ФКЦБ фактически унаследовала кадры и традиции Госкомимущества. Первым председателем этой комиссии в декабре 1994 года стал Анатолий Чубайс, которого затем быстро сменил Дмитрий Васильев. Так начиналось противостояние Центробанка и ФКЦБ, которое оказало большое влияние на развитие российского фондового рынка и последствия которого мы ощущаем до сих пор.

В мае 1993 года прошли первые торги государственными облигациями ГКО. По тем временам (да и не только по тем) рынок был сконструирован на самом высоком технологическом уровне, что выгодно отличало его от тогдашнего рынка акций, патронируемого ГКИ и ФКЦБ. Инструмент был создан Банком России в интересах Минфина. Банк России и управлял этим рынком. На этот сегмент власть ФКЦБ не распространялась, что вызывало жгучую ревность ее руководителей.

Раз есть ценные бумаги — должен быть учет. Поэтому ММВБ стала выполнять функции депозитария, и на ней появился сначала отдел, а потом и управление депозитарного обслуживания. Депозитарную инструкцию по госбумагам, как, впрочем, почти все остальные документы, регламентирующие рынок ГКО-ОФЗ, написала тогда еще совсем юный юрист Банка России Катя Демушкина. Как уже было сказано, депозитарное обслуживание ГКО, а впоследствии ГКО-ОФЗ — это совсем другая ветвь развития депозитарной деятельности. Учет гособлигаций до сих пор происходит совсем не так, как учет всех остальных ценных бумаг. Чего стоит одно ЦТОСД! И даже, не вникая в вопрос, лучше на рынке госбумаг устроен депозитарный учет или хуже, точно можно сказать, что разные учетные конструкции на разных рынках — это неправильно. То, что хорошо работало 10 лет назад, теперь начало тормозить рынок. Наверное, пора приходить к единому стандарту.

Тогда, кажется в 94-м году, из-под пера ГКИ вышли два документа, описывающих деятельность регистраторов и депозитариев. Надо сказать, что ничего особенно плохого (как, впрочем, и хорошего) в них не было. Но все-таки ФКЦБ намного больше внимания уделяла регистраторам, считая их, видимо, в соответствии с советами своих консультантов, ключевым элементом инфраструктуры фондового рынка. Депозитарии тоже не оставались без внимания, но поначалу не так интересовали руководителей ФКЦБ. Позволю себе в очередной раз высказать свое отношение к взаимодействию депозитариев и регистраторов, которое не раз озвучивалось и публиковалось и в те годы, и позже.

Реестры и регистраторы появились у нас как калька с инфраструктуры рынка ценных бумаг англосаксонского типа, поскольку американские советники в то время доминировали. Это было время приватизации, появились «собственники» акций. Их срочно нужно было сосчитать и переписать. Вот так и появились регистраторы. Сейчас многие из них — весьма влиятельные и солидные организации, обладающие хорошей учетной технологией и достойно выполняющие свои функции. Странно думать, что рынок мог бы существовать без них. А ведь, наверное, мог. Видимо, можно было действовать и по-иному. Предприятия приватизировались на аукционах. Списки победителей аукционов — будущих акционеров — были сосредоточены в аукционных центрах, которые открывались в каждой области. Поэтому не так уж трудно было на их базе создать региональные депозитарии. А желающие в этом поучаствовать нашлись бы. Следовало только простимулировать этот процесс на государственном уровне: помочь разработать единую технологию, правила, профинансировать начало работы. В этом случае аукционные центры стали бы региональными депозитариями, филиалами центрального депозитария. Сам же центральный депозитарий в рамках этого процесса тоже мог бы безболезненно сформироваться к середине 90-х годов, и нам не пришлось бы сейчас так мучиться в попытках создать этот вожделенный учетный институт. Но, увы, консультантам было «уплочено», и развитие пошло по-иному. Кстати, эту схему Центробанк предлагал еще в те времена. Но ФКЦБ «пошла другим путем», и теперь мы получили сегодняшнюю инфраструктуру, которую не ругает (хотя и не всегда справедливо) только ленивый.

Не подумайте только, что я плохо отношусь к регистраторам. Наоборот, я их уважаю как организации и людей, которые зарабатывают себе на хлеб нелегким трудом в реальной российской жизни 90-х и 2000-х годов. Многие сотрудники регистраторов мои друзья, и нельзя не ценить их нелегкий труд. Правда, во время какого-то из своих выступлений я бросил фразу, которую потом слышал неоднократно: «Регистраторы — это депозитарии для бедных». Но это не потому, что хотел обидеть регистраторов. Это констатация реального факта, состоящего в том, что деятельность регистраторов и депозитариев в части выполнения учетной функции имеет много общего, а вот контингент их клиентов различается сильно. Конечно, как всякая броская фраза, она справедлива не более чем отчасти.

Рынок акций долгое время в России складывался как оффшорный рынок иностранных инвесторов. И западные консультанты выстраивали наш рынок так, чтобы было бы удобно западным же фирмам. Трудно упрекнуть их за то, что они преследовали интересы своих стран. Беда ФКЦБ, на мой взгляд, состояла в том, что в Комиссии «излишне внимательно» слушали этих консультантов, среди которых иногда (видимо, случайно), попадались не самые бескорыстные люди.

Б. В. Чепкасский

Расследование дела о «гарвардских мошенниках» может повредить репутации бывшего председателя ФКЦБ Дмитрия Васильева. Судя по сообщениям американской и российской прессы, расследование «гарвардского скандала», вскрывшего масштабные хищения средств конгресса США, выделенных на помощь России, вошло в решающую стадию. Второй процесс по этому делу (первый проходил в 1998 году и стоил Гарвардскому университету 120 миллионов долларов штрафа) окончательно определил круг замешанных в махинациях лиц. Главными действующими лицами оказались бывший представитель Гарварда в России Джонатан Хей и его жена Элизабет Хиберт, основавшая и по сей день возглавляющая крупнейший на российском рынке паевой фонд «Паллада Ассет Менеджмент».

Русский акцент в «гарвардском деле»//
«Российская газета». 02.04.2002

Конкуренция за право определять структуру и правила работы российского фондового рынка была довольно упорной — в какой-то степени это была борьба национальной модели развития рынка и оффшорной. «Закон о рынке ценных бумаг» стал компромиссом групп, каждая из которых пыталась написать его, исходя из своих убеждений и интересов. Такое смешение мнений и позиций в одном документе не могло не сказаться на качестве принятого закона.

Зародившееся в 1993 году противостояние ЦБ и ФКЦБ, то ослабевая, то увеличиваясь до планетарных масштабов, продолжалось много лет. Видимо, дело было в неудачном названии организации, потому что, когда в 2004 года ФКЦБ стала называться ФСФР, острота противостояния резко пошла на убыль. Нет нужды говорить, что рынку это пошло только на пользу.

Но все то было намного позже, а особую остроту конфликт стал приобретать после того, как в апреле 1996 года был принят закон «О рынке ценных бумаг». ФКЦБ налилась силой и мощью и пошла в наступление. Вообще, конец 1996-го и почти весь 1997 год прошел под знаменем этого противостояния. 1997 год на фондовом рынке представляется мне какой-то горловиной, куда со всё возрастающей скоростью сходились разные потоки. Перемешавшись в этой узкой трубе и изрядно побурлив, к концу 1997 года поток притек к выходу из неё. После этого течение стало не в пример более плавным, и после основательной встряски в августе 1998 года поток почти что стабилизировался. Начиналось застойно-стабилизационное время. Не знаю, так ли ощущают это период другие, но для меня конец 1996 и 1997 год — это пик инфраструктурных споров, своего рода «точка бифуркации», которая во многом определила сегодняшнее состояние инфраструктуры рынка ценных бумаг. Да шутка ли

сказать, в этот период было принято и отменено знаменитое 20-е депозитарное постановление ФКЦБ с его депозитариями-хранителями и депозитариями-попечителями, издана 44-я инструкция Центробанка, которая во многом определила депозитарную жизнь кредитных организаций, промелькнули «бездokumentарные векселя», на много лет определилась структура рынка акций Газпрома, был написан доклад об инфраструктуре рынка ценных бумаг, был выпущен указ Президента про Центральный депозитарий, ФКЦБ подготовило действующее до сих пор 27-е постановление о деятельности регистраторов, и, наконец, 36-е постановление ФКЦБ про депозитарную деятельность заменило кошмарное 20-е. Да и НДЦ был образован в январе 1997 года.

Жаль, что написать подробно обо всем этом нет ни времени, ни сил, но, прежде чем ненадолго окунуться в атмосферу 1997 года, хочется немного поговорить про 44-ю инструкцию.

44-я инструкция — норма жизни банков

Двадцать пятого июля 1996 года была принята 44-я инструкция, которая в меру подробно описывала правила ведения депозитарного учета в банках. Начинать писать ее Александр Семин, но в конце 1995 года, устав от чиновничьей жизни, ушел из Банка России. Пришлось подхватывать падающее знамя. К весне текст был написан, а дальше пошло обсуждение, согласование, визирование, консультации с участниками рынка и прочие прелести чиновничьей жизни. Было все это непросто, потому что текст не вполне соответствовал принятым в Банке России канонам и у многих департаментов вызывал непонимание и неприятие. Договариваться было нелегко, хотя в конце концов внутри Центробанка, удалось достичь согласия со всеми. Отчасти этому благоприятствовало боязливо-снисходительное отношение кадровых сотрудников к депозитарной деятельности. Это было для многих старых сотрудников Банка России чем-то пришедшим из чужого мира и непонятным типа инопланетного корабля. Поэтому после нескольких туров, не желая больше тратить драгоценное время на обсуждение такой ерунды, они снисходительно махали рукой и соглашались: да пусть... Труднее всего пришлось с бухгалтерами. Помню решающий «официальный визит» в Департамент бухгалтерского учета небольшой «делегации», возглавляемой Козловым. Но и здесь удалось прийти к согласию, пойдя на некоторые компромиссы, не так уж сильно ухудшившие текст. С участниками рынка оказалось проще, хотя и с ними было немало острых дискуссий. И даже ФКЦБ милостиво согласилась: «Это банки, это пока не наше — пусть делают, что хотят». В итоге инструкция была принята, а банкам дано девять месяцев на то, чтобы к ней приспособиться и привести свой учет в соответствие с ней.

Поначалу многие банки были шокированы. Документ, повторю еще раз, по своей форме, да и по существу для банковских сотрудников оказался

очень непривычным. Однако депозитарным учетом в банках занимались в те времена и достаточно динамичные люди. Так что после первого испуга, более внимательно прочитав и подумав, большинство осознало, что ничего особенно страшного в 44-й инструкции нет, и расслабилось. Тем не менее время с июля 96-го года до апреля 97-го оказалось особенно «горячим». Помимо разных прелестей жизни вроде участия в конфликте с ФКЦБ и ежедневной рутины пришлось очень много выступать, объяснять, успокаивать, рассказывать. Ни до, ни после я никогда не видел такого количества людей, собиравшихся на депозитарные семинары. И по России пришлось поехать изрядно, выступая на региональных конференциях. До Анадыря, правда, добраться не удалось, но в Петропавловске-Камчатском в пургу побывал. И в Калининграде тоже. И во многих других городах России, хотя до сих пор жалею, что кое-куда съездить не смог чисто физически.

Норма жизни российского человека: «пока гром не грянет — мужик не перекрестится» и «не спеши выполнить приказ начальника, может, его еще и отменят». Поэтому многие банки к апрелю 1997 года, внезапно вспомнив, что 44-я инструкция начинает действовать, опять стали ее читать, сильно забеспокоились и начали по телефону задавать вопросы. Надо сказать, что мой рабочий телефон был известен всем, и концу апреля 1997 года, отвечая примерно на 40–50 звонков в день, я понял, какие чувства испытывала продавщица советского Детского мира по отношению к покупателям к концу рабочего дня. В те времена, я очень завидовал сотрудникам Центрального банка, например, Эстонии, которые быстро могли ответить на все вопросы всем десяти или пятнадцати банкам. Остается только надеяться, что в этот период я никого из звонящих сильно не обидел.

Все проходит, прошло и бурное время начала работы банков по 44-й инструкции. Пропагандистская кампания, видимо, сыграла свою роль и инструкция начала работать без особых эксцессов, хотя и не всегда гладко. Шероховатости исправлялись по ходу дела, обратная связь с банками была хорошей. В общем, жизнь постепенно налаживалась. С той поры я убедился, что мало написать и принять нормативный документ. Если ты хочешь, чтобы он нормально заработал, надо его популяризировать и раскручивать, примерно как раскручивают будущую эстрадную звезду. А иначе получается, как всегда. Были и другие интересные уроки, которые удалось извлечь из этого процесса.

Надо сказать, что общение с банками мне не было в тягость. Сотрудничество шло, по-моему, хотя иногда и не просто, но конструктивно и по-человечески. Никто в нашем небольшом отделе не позволял себе разговаривать с банками свысока, как познавший высшую истину регулятор с дрожащим от собственного убожества регулируемые тварями. Не было такого. По крайней мере, я на это надеюсь. Возможно, поэтому, когда пришлось уйти из Банка России и начать работать «по другую сторону прилавка», отношения с бывшими регулируемыми, а теперь партнерами

в основном складывались без проблем. В начале 1997 года я вновь столкнулся с Александром Барщевским, который в то время работал в Авиабанке. Под его руководством сотрудники депозитария образцово подготовились к началу работы по 44-й инструкции, разработав программу и написав три тома внутренних документов. Писала эти документы Лена Стрельникова, которая уже давно работает в НДЦ и без которой эта организация просто прекратила бы свое существование, потому что все регламенты НДЦ написаны именно ею. А с Барщевским потом депозитарная жизнь сводила нас в разных ситуациях неоднократно. Так, через некоторое время он стал тем человеком, который создал Депозитарий Банка России. Вообще, организация депозитария Банка России — это особенная и очень интересная тема. Пришлось поучаствовать и в этом, но основные заслуги, безусловно, принадлежат Барщевскому. Надеюсь, что он еще про это расскажет.

Были и смешные моменты. Летом 1997 года я первый раз в жизни поехал отдыхать на пару недель с женой в центробанковский пансионат в Чувашию. Инструкция только начинала работать и все еще была «хитом сезона». Узнав про мой приезд, сотрудники чувашского Нацбанка попросили встретиться с их банками и рассказать, как обстоят дела. Я, естественно, согласился. Жена из любопытства тоже поехала послушать, хотя не имела к этому ни малейшего отношения. Зал был полон и, когда Председатель банка, представляя меня, выдержав небольшую паузу, тоном эстрадного конферансье объявил: «А сейчас я передаю слово ... автору 44-й инструкции» — в зале наступила полная тишина. Тогда я отчасти понял чувства, которые охватывают артистов, когда они выходят на сцену. Надо сказать, что на жену эта сцена произвела настолько сильное впечатление, что иногда она вспоминает об этом до сих пор.

Если говорить о самой инструкции, то, как видится по прошествии десяти лет, она в основном была написана «правильно». Не все в ней бесспорно. Много чего, конечно, надо было бы давно переписать. По прошествии 10 лет и обретенных знаний, конечно, удивляет наивное нахальство автора. Но в целом, несмотря на всю свою нестандартность, это был, пожалуй, правильный документ без большого числа серьезных ошибок. В документ были заложены «жесткие несущие элементы», но не было мелочной регламентации и требований дышать исключительно по команде из центра. То есть был соблюден принцип: дорожки сначала должны быть протоптаны, а потом только заасфальтированы. У ФКЦБ не нашлось интеллектуальных сил написать чего-либо подобное и, как ни странно, многие небанковские депозитарии пользовались ею для своих нужд, хотя инструкция на них не распространялась. Без ложной скромности можно сказать, что 44-я инструкция стала еще одной дополнительной веткой развития депозитарного бизнеса, став в известной мере стимулом становлению этой деятельности в банках. Про 44-ю инструкцию надо было бы поговорить более подробно, но, конечно, не здесь, а в специально отведенном месте. Надо сказать, что она действует до сих пор, хотя, конечно, бан-

ки уже давно ее «переросли». Инструкция 44 ко всему прочему стала основой для создания Депозитария Банка России, благополучно существующего с 1997 года, и, несмотря на регулярные посягательства со стороны недоброжелателей в Банке России, все еще жива.

Как раз в то время в Банке России готовили новый План счетов. Пищу «План счетов» с большой буквы из-за трепетного отношения к нему банковских работников. Кто работал в банках, тому объяснять не надо, а кто не работал — тот все равно не поймет. В 1996 году в процессе согласования Инструкции с Департаментом бухгалтерского учета договорились, что счета депо станут не «бедными родственниками», а будут включены в общий План счетов. Так оно и случилось, и в плане счетов Банка России появился раздел «Д» депозитарные счета, который действует до сих пор. Это был очень серьезный и в каком-то смысле уникальный шаг. Признаться, я не сразу оценил все величие этого события, но по прошествии некоторого времени осознал, что именно таким образом депозитарный учет получил право на «легализацию» в российских банках, то есть стал не какой-то загадочной новомодной западной штучкой, а почти что самой настоящей частью родного бухгалтерского учета. А это было и вправду очень важно. Так что включение раздела «Д» в План счетов Банка России можно считать достойным дополнением 44-й Инструкции, которое, собственно, и сделало ее нормой жизни банков.

Банки не всегда знали, от каких напастей удавалось их иногда защитить. Кажется, в конце 1997 года в связи с принятием нового «Плана счетов» все счета в банках стали двадцатизначными. Думаю, что каждый, кто пытался вручную заполнить хоть одну платежку, не один раз поминал инициаторов этого начинания с использованием ненормативной лексики. Не так часто мне приходилось заполнять платежки, но каждый такой случай вспоминаю с ужасом. Можно долго спорить, полезна ли такая нумерация хоть для чего-нибудь. Я, например, убежден, что пользы от этого гораздо меньше, чем вреда. Так вот счета депо этот ужас не затронул. А ведь попытки были. Поскольку счета депо стали частью общепанковской бухгалтерской системы, то предложения о том, что они тоже должны стать двадцатизначными, звучали неоднократно и довольно настойчиво. Отбиться от этого начинания стоило мне тогда немалых сил. Помогло то, что утвержденная структура номера денежного счета содержала информацию, неприменимую к счету депо. Надо было придумать другие принципы структуризации номера счета. Сами бухгалтеры этого сделать не могли, а я с честными глазами говорил, что сделать это никак невозможно. Так и остались счета депо перенумерованными. И что-то я не слышал, чтобы кому-то это помешало работать. Осмелюсь высказать крамолу: «Может быть, денежные счета тоже не нужно было перенумеровывать». Впрочем, это тема, хоть и интересная, но уводит нас в сторону от основной линии.

А еще можно вспомнить, что первый раз осенью 1996 года в немалой степени благодаря 44-й инструкции удалось собрать под Москвой предста-

вителей всех управлений, отделов и секторов ценных бумаг со всех Нацбанков и Главных управлений Центробанка России. Сделали мы это с благословения А. Козлова. Смысл мероприятия был в общении сотрудников центрального аппарата, то есть тех, кто определяет ценнобумажную политику, с теми, кто, работая непосредственно с банками, проводит эту политику в жизнь. Мероприятие проводилось силами моего отдела, а приезжали выступать все ключевые сотрудники из области ценных бумаг центрального аппарата Банка России. Атмосфера оказалась доброжелательной, а общение полезным. Разъезжался народ, познакомившись друг с другом и с ключевыми фигурами Неглинной. Встречей тогда все остались довольны. Удалось собрать такую конференцию еще два раза: в 1997 году и даже после дефолта в 1998-м. Потом при новом руководстве ЦБ это стало бессмысленным, но зато остались хорошие знакомые по всей России. Особые отношения у нашего отдела были с питерским Главным управлением. Мы тогда много и успешно сотрудничали, но это другая история. Было бы интересно также рассказать про Депозитарий Банка России, но и это «в следующий раз».

Год 1997 — судьбоносный протокол и иные судьбоносные нормативные документы

У каждого свой взгляд на мир, поэтому для меня во многом 1997 год — это год начала работы 44-й инструкции. Но, конечно, она не более чем один из эпизодов среди многочисленных и бурных событий того года. Недавно, взяв в руки первый номер начавшего выходить в то время журнала «Депозитариум», я настолько поразился обилию происходивших тогда событий и напряжению страстей, что не поленился написать про это статью, которая была опубликована в 7-м номере возрожденного «Депозитариума» за 2005 год под украденным названием «Хроника непрошедшего времени». Времена тогда были героические — не то, что сейчас, а конфликты на фондовом рынке мало кого оставляли равнодушными. Конечно, время сглаживает страсти, и теперь уже можно глядеть на прошедшие баталии отстраненно и с некоторой долей иронии, но моя принадлежность к лагерю Банка России не может не накладывать отпечаток на восприятие прошедшего. Так что заранее прошу прощения у ценителей ФКЦБ, если мои комментарии покажутся им предвзятыми.

Итак, 1997 год. Весна. Война между ЦБ и ФКЦБ достигла апогея и одним из главных поводов для споров послужила почему-то тишайшая депозитарная деятельность. Причины этого для меня загадочны до сих пор. Арбитром пришлось стать самому А. Чубайсу, который, будучи по жизни отцом-учредителем ФЦЦБ и, конечно, во многом продолжавшим ее поддерживать, был вынужден по целому ряду позиций встать на сторону Банка России. ФКЦБ была явно неправа. Так появился «Протокол согласования разногласий по вопросам регулирования рынка ценных бумаг от 29 мая 1997 года», подписанный председателем ФКЦБ Дмитри-

ем. Васильевым, заместителем министра финансов Олегом Вьюгиным и первым заместителем председателя Банка России Сергеем Алексашенко. Этот судьбоносный протокол был утвержден первым заместителем председателя Правительства РФ Анатолием Чубайсом!

Для того чтобы осознать значение этого документа, вспомним ситуацию, сложившуюся к весне 1997 года. В депозитарной области осенью (а если быть точным 2 октября) 1996 года ФКЦБ приняла знаменитое постановление № 20 «Об утверждении Временного положения о депозитарной деятельности на рынке ценных бумаг Российской Федерации и порядке ее лицензирования». С депозитариями-хранителями, депозитариями-попечителями и прочими неслыханными «ужасами». У абсолютного большинства участников рынка оно вызвало резкое отторжение и породило волну упреков в адрес ФКЦБ. Д. Васильев в вопросе депозитариев плавал, но у него в то время появились консультанты из Приморья — пассионарный Виктор Сахаров и его помощники. Помощь пришла вовремя. Как потом рассказывал мне один из членов этой группы, это печальное знаменитое постановление было написано за одну ночь в довольно неформальной обстановке.

Что и говорить, постановление получилось весьма специфическое. Кто-то из депозитариев смирился с неизбежностью — против силы не попрешь, но многие взбунтовались. Разумеется, Банк России не мог остаться в стороне и возглавил движение «диссидентов», тем более что в Банке России к тому времени уже был принят свой документ по депозитарному учету. Области регулирования у этих документов напрямую не пересекались, но, по существу, они были антагонистичны.

Документ ФКЦБ был написан крайне небрежно, непоследовательно, содержал целый ряд нестыковок с действующими нормативными актами и букет внутренних противоречий. Описываемая в нем депозитарная система была далека от классических западных образцов, при том, что к 1997 году уровень образования участников рынка был уже достаточен для понимания этого. Внедрение описанной модели принесло бы немало вреда фондовому рынку. Все это так, но, тем не менее, не объясняет до конца того неприятия, которое вызвало это постановление. Мало ли за прошедшие годы было издано вредных документов, мешавших развитию рынка! Почему же именно Постановление № 20 подверглось столь жесткой критике? Да, у оппозиции был сильный лидер — Банк России. Но дело, было, кажется, не только в этом. Постановление № 20 ломало сложившийся к тому времени депозитарный бизнес. Созданное ранее должно было быть разрушено в угоду интересов группы людей, посчитавших возможным полностью проигнорировать все, что было сделано до них. И это не понравилось никому, кроме бенефициаров. Если бы документ был написан грамотно, отбиться от него было бы трудно, но тут шансы были. В общем, война обострилась.

К весне 1997 года после полугода конфликтов по поводу 20-го постановления, кажется, даже в ФКЦБ поняли, что перегнули палку и что так

нельзя. И ведь так действительно нельзя. Даже если закон или любой другой нормативный документ пишется с самыми лучшими намерениями, авторы его обязаны учитывать сложившиеся реалии и следовать принципу «не навреди». Хотелось бы, чтобы этот урок был хорошо усвоен. Сейчас это не менее актуально, чем в 1997 году.

Вред от 20-го постановления не исчерпывался тем, что в течение почти года участники рынка вместо нормальной работы вынуждены были как-то к нему приспосабливаться, а также много времени уделять организации сопротивления. Это постановление не только предъявляло требования к одному депозитарию, но и описывало конструкцию учетной системы фондового рынка в целом. Предложенная модель оказалась неприемлемой и была отвергнута. Но, к сожалению, с водой был выплеснут и ребенок. Новое постановление (№ 36) регламентировало только работу отдельного депозитария. Связи между депозитариями затрагивались вскользь. То есть отторжение неправильной конструкции оказалось настолько сильным, что участники процесса решили оставить все как есть и подождать с описанием архитектуры учетной системы, до тех пор, пока не улягутся страсти и не будет достигнуто общее понимание необходимости регламентации структуры Учетной системы. К сожалению, этого не случилось до сих пор, и немалая вина за то, что у нас до сих пор нет Центрального депозитария, лежит на ФКЦБ и ее Постановлении № 20, которое породило столь сильную «аллергию» на «наведение порядка».

В Протоколе Постановлению № 20 был подписан «смертный приговор». В пункте 10 стороны соглашались создать рабочую группу для выработки «концептуальных принципов депозитарной деятельности», согласовать и утвердить эту концепцию до 1 июля 1997 года, а затем до 1 октября 1997 года подготовить и принять новое положение о депозитарной деятельности. Судьба депозитариев-хранителей и депозитариев-попечителей, а также тех, кто совмещал эти функции (я называл их «храпечителями»), была решена. Самое удивительное, что это решение было полностью выполнено и почти что в срок. К 1 июля был подготовлен, а 9 июля утвержден вполне разумный «Доклад о концептуальных подходах к месту и роли депозитарной деятельности на современном рынке ценных бумаг», в написании которого мне пришлось принять участие. А 16 октября 1997 года Постановлением ФКЦБ № 36 было утверждено «Положение о депозитарной деятельности в Российской Федерации», написанное в основном в соответствии с принципами этого доклада. Постановление № 36 заменило Постановление № 20, и все вздохнули с облегчением. Постановление № 36 оказалось спокойным, в основном нормальным и весьма «живучим» — оно действует до сих пор, хотя, конечно, давно пора бы его переписать. Мне довелось принять активное участие также в написании Постановления № 36, которое проходило в весьма «антисанитарной» обстановке, что было связано, как со спешкой, так и с особенностями сотрудничества сторон.

Именно из-за спешки и суеты некоторые необходимые вещи были попросту забыты (например, эмиссионные счета депо), а некоторые описаны весьма примитивно (например, основания для совершения депозитарных операций). Так что, несмотря на то, что 36-е постановление в целом можно оценить положительно, но отдельные занозы мешают жить честным депозитариям, и давно пора было бы их удалить. Но почему-то каждый раз попытки переписать 36-е постановление, в которых мне тоже неоднократно приходилось принимать участие, заканчиваются полнейшим провалом. То ли времена не те, то ли какой-то рок гнетет несчастную депозитарную деятельность. Так что сейчас, когда иногда приходится читать письма регулятора, виртуозно интерпретирующего отдельные моменты 36-го постановления и делающего из нюансов написанных там фраз далеко идущие выводы, то не знаешь, что делать: плакать или смеяться. Знали бы они, как все это писалось. Все думали, что это на год, полтора — сойдет вместо 20-го. А потом напишем, как следует. Но девять лет с тех пор уже миновало... Воистину, «тем, кто любит колбасу и уважает закон, не следует видеть, как делается то и другое».

Но не все так печально. Было немало забавных моментов. Вот, например, визит в составе «боевой группы ЦБ» в «логово врага» к руководству ФКЦБ для первого обсуждения проекта постановления № 36. Возглавлял группу А. Козлов. Следующей по мощи боевой единицей был директор департамента ЦД Дмитрий Будаков. Третьим довелось быть мне. Защищали подготовленную в ЦБ первую редакцию 36-го постановления. Со стороны ФКЦБ был, конечно, Д. Васильев, будущий сенатор Валентин Завадников и кто-то третий, кого уже не помню. Встреча проходила бурно, стороны были недовольны друг другом. Д. Васильев рассказывал нам, что написана полная ерунда, которую надо выкинуть практически всю. Страсти накалялись и, наконец, г-н Васильев сказал, что все это слишком подробно, излишне детально и, вообще, «чем короче — тем лучше». Будучи к тому моменту уже изрядно заведенным, я не преминул возразить, что в некоторых случаях это утверждение нельзя признавать бесспорным. Правда, ситуацию пришлось изложить не совсем прямо, поэтому главным оппонентом, в отличие от других участников, мое возражение так и осталось непонятым, из-за чего он, видимо, сохранил свою точку зрения.

В общем, следует признать, что «судьбоносный протокол» пусть временно, но «успокоил» фондовый рынок. Его и последовавшие за ним депозитарные документы можно трактовать как поражение ФКЦБ. А если вспомнить случившийся незадолго до Протокола запрет на обращение лоббируемых ФКЦБ «бездокументарных векселей», то масштаб депозитарных неудач Комиссии надо признать серьезным. Однако ФКЦБ не смирилась со своим «поражением» и впоследствии многое сумела отыграть.

Это сладкое слово «лицензия»

Что самое «интересное» в деятельности классического чиновника? Конечно же, лицензирование! Контролировать тоже неплохо, но лицензировать намного интересней. Думаю, что ни одному российскому человеку не надо объяснять почему. Поэтому еще одной горячей, и даже очень горячей, точкой стал вопрос лицензирования профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг.

Дело в том, что до принятия закона «О рынке ценных бумаг» единого регулятора у рынка не было. До появления Комиссии по ценным бумагам эти функции выполняли Минфин, Банк России (на рынке ценных бумаг банки работали на основании банковской лицензии) и Госкомимущество в приватизационном сегменте.

Рынок ГКО/ОФЗ управлялся тоже Банком России в интересах Минфина. В 1997 году объемы этого рынка достигли фантастических для России размеров — около двух миллиардов долларов в день, и государство в полной мере оценило его значимость, особенно в период выборов 1996 года. Конечно, именно тогда под рынок была заложена серьезная бомба в виде чрезмерного долга, но до дефолта оставалось еще больше года, а эффективность и технологичность организации рынка ГКО/ОФЗ делали этот сегмент уникальным, совсем не похожим на другие сектора, которые только начинали развиваться и находились еще во вполне первобытном состоянии. Поэтому ФКЦБ всерьез не предъявляла свои права на этот рынок. Даже закон, регулирующий эмиссию и обращения государственных бумаг, был другим: от 27 июля 1998 года № 136-ФЗ «Об особенностях эмиссии и обращения государственных и муниципальных ценных бумаг».

Закон № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» от 22 апреля 1996 года обуславливал осуществление профессиональной деятельности получением соответствующей лицензии. Лицензирующим органом по Закону являлась ФКЦБ. Правда, она могла выдать генеральную лицензию другому лицензирующему органу, но могла этого и не делать. При подготовке закона, видимо, были достигнуты договоренности, что генеральная лицензия на лицензирование кредитных организаций будет выдана Банку России. Но обещать — не значит жениться, и к весне 1997 года Банк России так и не получил генеральной лицензии. К тому же ФКЦБ постоянно пыталась вытеснить нелюбимые и неподконтрольные ей банки с фондового рынка, мотивируя это «американской моделью». Обстановка была крайне нервной. По Закону кредитные организации имели право продолжать свою деятельность на фондовом рынке по старым правилам (то есть на основании банковской лицензии) в течение года с выхода Закона, то есть до 22 апреля 1997 года. Время заканчивалось, и деятельность банков на фондовом рынке вот-вот могла стать нелегитимной. Правда, ФКЦБ в соответствии с Законом имела право продлить срок работы банков без лицензии еще на год. И к тому времени под давлением рынка уже продлила его до 1 октября 1997 года. Но острота ситуации этим снята не была. Другой стороной тактики ФКЦБ стали попытки разделить

российский рынок на два сегмента: рынок госбумаг и рынок корпоративных бумаг. Рынком госбумаг ФКЦБ была готова пока пожертвовать — шансов «подмять» его на тот момент все равно не было. Но взамен стремилась получить полный контроль над остальным рынком, в том числе и над деятельностью банков на нем. В полной мере разделения секторов не произошло, однако в какой-то степени границы сохранились до сих пор, что, на мой взгляд, не идет на пользу рынку.

Урегулирование сложившейся ситуации происходило на самом высоком уровне, и подписанный «судьбоносный протокол» (см. выше) в значительной степени снял напряжение тех дней. ФКЦБ пришлось в значительной мере признать свои ошибки.

Так, в пункте 1 Протокола утверждалось, что лицензия профучастника одна для всех сегментов рынка. Это блокировало дальнейшие попытки фрагментации.

Согласно пункту 4, лицензирование и контроль профессиональной деятельности кредитных организаций на рынке ценных бумаг должен был осуществлять Банк России, а ФКЦБ предписывалось в двухнедельный срок выдать Банку России генеральную лицензию на право лицензирования кредитных организаций. В пункте 6 ФКЦБ было указано продлить до 1 января 1998 года право работы банков на рынке ценных бумаг на основании банковских лицензий. Все это было выполнено, хотя и с некоторым опозданием. Проведя осенью 1997 года кампанию по лицензированию, Банк России обеспечил банкам право продолжать работу на фондовом рынке. Искусственно созданная проблема была успешно решена. И в этом ФКЦБ проиграла.

Империя наносит ответный удар

Было бы наивным считать, что ФКЦБ смирится со своим поражением. Такое мог вообразить только неисправимый идеалист. Сильные ответные удары были нанесены. Их последствия мы ощущаем на себе до сих пор. Самыми серьезными достижениями ФКЦБ в ответ на подписание Протокола следует признать Указ Президента РФ от 28 мая 1997 года № 529 «О порядке обращения акций Российского акционерного общества «Газпром» на период закрепления в федеральной собственности акций Российского акционерного общества «Газпром»». А также Указ о центральном депозитарии от 16 сентября 1997 года № 1034 «Об обеспечении прав инвесторов и акционеров на ценные бумаги в Российской Федерации». В Указе и последовавшем за ним постановлении Правительства РФ были приведены такие особенности обращения акций Газпрома, которые делали их абсолютно не похожими на остальные российские ценные бумаги. В частности, были определены 4 биржи, на которых могли совершаться сделки с акциями Газпрома, причем ни одну из этих бирж при самом благожелательном отношении нельзя было отнести к лидерам российского рынка. Естественно, одной из этих бирж стала Московская фондовая биржа (МФБ), возглавляемая людьми, «идейно» близкими

к руководству ФКЦБ. Помимо этого, хранить и учитывать акции Газпрома участникам рынка следовало в «депозитарно-расчетном союзе и депозитариях — членах этого союза». По-видимому, из-за технической небрежности в тексте Постановления было написано «депозитарно-расчетный союз» с маленькой буквы, что породило надежды участников обойти это препятствие, создав свои депозитарно-расчетные союзы. Но не тут-то было. В интерпретации регулятора необходимо было вступить именно в ДРС — «Депозитарно-расчетный союз» с большой буквы. Разумеется, «Депозитарно-расчетный союз» контролировался той же группой участников рынка, что и МФБ. Теперь после либерализации все это дело прошлого, но на много лет рынок акций Газпрома имел мало общего с остальным фондовым рынком России. Оценку этого факта оставим в стороне. А выводы, которые я бы сделал из этой истории таковы: «не так сложно (если есть достаточный административный ресурс) породить оригинальную схему обращения какой-то ценной бумаги; гораздо трудней потом от этого избавиться».

Победа ФКЦБ была очевидна. Пролоббировав Указ об акциях Газпрома, ФКЦБ в очередной раз продемонстрировала свои властные ресурсы и вывела одну из наиболее интересных российских ценных бумаг за рамки стандартных систем обращения, одновременно предприняв попытку «раскрутить» близкие к себе инфраструктурные организации: МФБ и ДРС. К сожалению, дальнейшую судьбу этих организаций трудно считать успешной. Так что нельзя сказать, что победа ФКЦБ стала такой же победой всего рынка. Скорее наоборот.

В газпромском Указе была сделана «интересная заготовка». В его тексте упоминался не существовавший в тот момент «Центральный фонд хранения и обработки информации фондового рынка» и ФКЦБ предписывалось в месячный срок создать его в форме некоммерческой организации. Вокруг этого «фонда» также разгорелась нешуточная борьба.

При участии ФКЦБ был подготовлен проект Указа «Об обеспечении прав инвесторов и акционеров на ценные бумаги в Российской Федерации», а Банк России с участниками рынка подготовили альтернативный вариант — Указ под названием «Об обеспечении прав на ценные бумаги и мерах по развитию депозитарной системы». Не буду тратить время на их сравнение, ограничусь лишь кратким замечанием, что уровни понимания того, что такое депозитарная система и ее основные функции, в этих документах несопоставимы. Если бы был принят проект Центробанка, то сейчас мы бы уже давно имели нормальную депозитарную систему. К сожалению, главным зачастую является не качество документа, а близость написавшего к властным структурам. Поэтому и здесь ФКЦБ победила.

В Указе Президента РФ «Об обеспечении прав инвесторов и акционеров на ценные бумаги в Российской Федерации» № 1034 от 16 сентября 1997 года декларировалось создание ГУП «Центральный депозитарий — Центральный фонд хранения и обработки информации фондового рын-

ка» (далее — ЦД). Нет нужды говорить, что функции этой организации не имели ничего общего с функциями нормального Центрального депозитария. Документ был насколько непрофессиональным, настолько и бессмысленным.

Через год было принято столь же невразумительное Постановление Правительства РФ от 10 июля 1998 года № 741 «О мерах по созданию национальной депозитарной системы», образован ГУП и назначен его руководителем. Возглавил «ЦД» Олег Константинович Ефимкин, ставший директором этого странного образования. За плечами у него был организованный в Новосибирске депозитарий любимых ФКЦБ «бездокументарных векселей», с которыми Центробанк тоже воевал. Сам же Ефимкин был по образованию философ. Деньги выделили, несколько человек стали получать зарплату. На этом, впрочем, дело и закончилось. Видимо, иначе быть не могло, поскольку такого, что было написано, в природе быть не может. А если и может, то, как каждое искусственное и бессмысленное образование, должно стоить чрезвычайно дорого. Вот и не случилось. Хотя, не исключено, что ЦД существует до сих пор. Указ № 1034 и Постановление № 741 до сих пор не отменены, и каждый раз, когда речь заходит о Центральном депозитарии, сразу начинаются вопросы, особенно у тех, кто не имеет отношения к этой тематике: «Это то, что уже есть, или что-то другое? А что делать с этим? Отменить указ?! Нет, это очень сложно!» А г-на Ефимкина я последний раз видел в 2002 году. Так до сих пор и живем без Центрального депозитария.

Текущая деловая жизнь давала профсообществу достаточно возможностей обсудить значимые для него проблемы. И обсуждения показали: по-прежнему актуальной (правильнее даже сказать — по-прежнему наиболее болезненной) является проблема создания Центрального депозитария.

Потому что в сторону практического разрешения названный вопрос пока что ощутимо не продвинулся... По этому поводу директор НДЦ по развитию Борис Черкасский даже написал стихотворение-хокку: «Пожелтели листья// Опять на пороге осень//Мы снова и снова говорим о Центральном депозитарии»).

*Расчеты, управление, инфраструктура//
Вестник НАУФОР (Москва). 24.11.2005*

НДЦ + ДКК = любовь?

В 1997 году на рынке депозитарных услуг складывалась довольно любопытная картина. Тогда лидировал Депозитарий ОНЭКСИМ Банка, который, став впоследствии депозитарием Росбанка, до сих пор остается, как я считаю, одним из лучших российских банковских депозитариев. Руководство ОНЭКСИМ Банка не пожалело усилий на создание депозитария и сумело набрать толковую и профессиональную команду.

Становился настоящим депозитарием ДКК. В значительной мере утратив благорасположение ФКЦБ, она вынуждена была зарабатывать себе на жизнь своим трудом и в результате постепенно стала хорошей рыночной структурой — любимым депозитарием брокеров.

Обязательно надо вспомнить Газпромбанк, который создал уникальную для России систему субдепозитариев для обслуживания акционеров Газпрома. В эту систему в 1998 году входило около 80 субдепозитариев. Потом Газпромбанк организовал свой расчетный депозитарий РДК, и эти депозитарии до сих пор играют особую роль в обслуживании акций Газпрома.

Судьба ДРС была на тот момент непонятна. Получив конкурентные преимущества в виде административного ресурса и права на обслуживания рынка акций Газпрома, он имел все шансы стать в будущем серьезным игроком. Однако в конечном итоге так и не стал им. Почему — это тема для особого разговора.

Нельзя не отметить роль ВТБ, а начиная с 2000 года и ВЭБа на рынке депозитарных услуг. Они лидировали в области обслуживания ОГВВЗ, потом ОГВЗ 1999 года, потом еврооблигаций.

Не было простым и, как многие процессы того времени, не было вполне естественным рождение НДЦ. НДЦ был учрежден в январе 1997 года, но начало его работы несколько затянулось. Выделение депозитария из состава ММВБ шло по настоянию Центрального Банка и воспринималось биржей безо всякого энтузиазма. С точки зрения теории, разделение биржевой и депозитарной деятельности, безусловно, правильно. Но жизнь не так проста, и отделение депозитария от биржи многими участниками рынка воспринималось как блажь, сопровождающаяся желанием содрать с них «лишнюю копейку». Вообще же, организация, начало работы и дальнейшая жизнь НДЦ, первым директором которого стала Галина Стародубцева, это еще одна крайне интересная история. Надеюсь, что другие участники проекта расскажут про это подробно. Я же за первым этапом становления НДЦ наблюдал со стороны из Центрального банка.

Ко всем сложностям начального периода работы НДЦ добавлялась и только что начавшаяся на ММВБ торговля акциями. Тогдашний НДЦ был явно не готов к обслуживанию этого рынка. Поэтому расчетным депозитарием биржи на рынке акций временно стал депозитарий ОНЭКСИМ Банка. Это длилось около года и приносило ОНЭКСИМ Банку неплохой доход. Все временное имеет тенденцию становиться постоянным, поэтому замена в качестве расчетного депозитария ММВБ на рынке акций ОНЭКСИМ Банка на НДЦ проходила трудно. В ходе этого процесса даже случилось одно чудо — Козлов и Васильев в январе 1998 года подписали совместное постановление ФКЦБ и Банка России, запрещавшее совмещать деятельность «расчетного депозитария» с другими видами деятельности на фондовом рынке, что стало в этом поединке для ОНЭКСИМ Банка сигналом о полном поражении.

Б. В. Черкасский

... члены фондовой секции ММВБ недовольны обслуживанием, которое осуществляет депозитарий ОНЭКСИМ Банка, а некоторые из них даже предлагают заменить его на Национальный депозитарный центр (НДЦ). Впрочем, теперь это уже не столь важно: как заявил на вчерашней пресс-конференции зампред ОНЭКСИМ Банка Михаил Алексеев, с 1 июня банк сам прекратит расчетное обслуживание ММВБ. Новым партнером онэксимовского депозитария станет Московская фондовая биржа.

*Александр Семенов. У ОНЭКСИМ Банка новый друг//
Коммерсантъ (Москва). 06.02.1998*

В общем, было все, что только можно было придумать. Не было только Центрального депозитария. Как нет его до сих пор.

Особая история у взаимоотношений Национального депозитарного центра с Депозитарно-клиринговой компанией. 9 июня 1997 года было подписано «Соглашение о намерениях» между НДЦ и ДКК. В преамбуле провозглашалось что, целью этого Соглашения является «реализация программы неотложных действий, направленных на создание единой системы депозитарного обслуживания рынка ценных бумаг». Золотые слова! Да и в самом Соглашении сформулировано много здравых намерений и предложений. Но, видимо, что-то «не срослось», и все эти чрезвычайно полезные мысли так и остались на бумаге. А жаль! Было бы все это в 1997 году реализовано, то мы давно имели бы нормальный Центральный депозитарий.

Вчера Национальный депозитарный центр и Депозитарно-клиринговая компания... провели совместную пресс-конференцию. Она была посвящена соглашению двух компаний по поводу совместной деятельности на рынке ценных бумаг. Таким путем Банк России (он является учредителем НДЦ) ответил на активные действия Федеральной комиссии по ценным бумагам после подписания знаменитого «мирного соглашения» с Центробанком... Обнародованное соглашение сводится к следующему: ДКК и НДЦ... объединяют свои усилия и возможности по депозитарному обслуживанию рынка государственных и корпоративных ценных бумаг...

*Юлия Панфилова, Анастасия Булгакова. Банк России начал контригру на фондовом рынке//
«Коммерсантъ». 10.06.1997*

Соглашение было подписано директором НДЦ Галиной Стародубцевой и президентом ДКК Михаилом Лелявским. Стороны объявили это соглашение «открытым для присоединения к нему всех сторон, заинтересованных в создании единой инфраструктурной системы депозитарного обслуживания». И желающие присоединиться нашлись достаточно быс-

тро. К соглашению присоединилась РТС, СПВБ и, наконец, ММВБ. То есть практически все «прогрессивное человечество». Остается только гадать, почему же все это так и не сработало.

А планы были весьма эффективные. НДЦ и ДКК планировали разработать, согласовать и использовать единые стандарты депозитарного обслуживания, создать программу поддержки региональных депозитарных организаций, перейти к использованию совместимой технической базы для дублирования информации, принять совместные меры к снижению рисков, проводить согласованную политику по отношению к международным расчетно-клиринговым организациям, совместно разработать и подготовить для регуляторов концепцию по созданию единой системы депозитарного обслуживания, расчетов и клиринга по ценным бумагам. И все это до конца 1997 года!

Но в 1997 году не удалось выполнить задуманное. Потом тоже не удалось. Почему не вышло как следует договориться — это тема для отдельного разговора. А пока что мы имеем то, что имеем. Любовь между НДЦ и ДКК, как это бывает в жизни, не сложилась.

Депозитарии всех стран, соединяйтесь! Особенно стран СНГ

Можно сказать, что АЦДЕ — Ассоциация центральных депозитариев Евразии появилась случайно. Коллега из Узбекистана первый заместитель Центрального депозитария Республики Узбекистан Тимур Ядгаров прочитал в Интернете мою концепцию 1999 года развития Учетной системы и многими либеральными послылками остался недоволен, о чем и написал мне, как автору, осенью 2001 года весьма критическое и язвительное письмо. Завязалась оживленная электронная переписка, итогом которой неожиданно стала проведенная в декабре 2001 года в Ташкенте Первая конференция по вопросам взаимодействия центральных депозитариев стран СНГ. Нет сомнений, что только организационные таланты Тимура могли совершить такое чудо, и притом в очень короткий срок. На Конференцию приехали из России представители НДЦ и ДКК, а из других стран — руководители центральных депозитариев: Азербайджана, Украины, Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. Еще была представительная делегация из Центрального депозитария Южной Кореи (KSD). Корейцы как-то прижились и потом участвовали во всех наших встречах. Сказать, что Конференция прошла хорошо — не сказать ничего. Традиционное восточное гостеприимство, высокий государственный уровень мероприятия и организационные таланты хозяев сделали свое дело. Как сказала одна из участниц: «Даже улицу мы переходили с государственной поддержкой». Но встреча оказалась не только приятной, но и полезной. Мы начали узнавать друг друга. Удивительно, но я до встречи лучше знал, как устроена депозитарная система Германии, чем Украины или Казахстана. Теперь друг про друга мы знаем довольно много. И, что не менее важно,

знаем друг друга. И если нужно уточнить, то достаточно снять трубку или написать электронное письмо, и через какое-то время все становится понятным.

Депозитарный народ оказался симпатичным и доброжелательным. Встречи продолжились. В 2002 году мы встречались на Иссык-Куле и в Алматы. В 2003 — в Баку. В 2004 — в Москве под патронажем ДКК. Стали присоединяться новые страны и депозитарии: центральные депозитарии Белоруссии, Грузии, Молдовы. Украинский расчетный депозитарий МФС. Стало ясно, что настала пора «институализироваться». Поэтому осенью 2004 года мы с начальником Юридического управления НДЦ Марией Красновой написали устав ассоциации, а 22 декабря 2004 года в Москве в НДЦ состоялась первая (учредительная) конференция Ассоциации центральных депозитариев Евразии, в которую вошли 11 депозитариев из 9 стран. В 2005 году к нам присоединился еще ЦД Армении.

Нельзя сказать, что взаимодействие ЦД стран СНГ привело к ощутимым результатам, хотя кое-какие совместные результаты имеются. Но почва для нормального взаимодействия создана. А еще я очень ценю атмосферу сотрудничества в нашей ассоциации. Глупо скрывать, что наши рынки разные и возможности депозитариев тоже весьма различны. Некоторые организации вполне состоятельны, а некоторые весьма небогаты. Но я ни разу не видел, чтобы это как-то сказывалось на отношениях между людьми. В ассоциации не было и нет (во всяком случае, до сих пор) младших и старших братьев. Так повелось с самого начала, и это очень помогает в работе.

Не счесть статей и выступлений о необходимости интеграции фондовых рынков стран СНГ. И все эти выступления правильные. Вот только воз до сих пор стоит на месте. Доходит до смешного. Центральные депозитарии стран СНГ не могут открыть в России депозитарные счета. Мы у них — пожалуйста, а они у нас не могут. Это распространяется даже на Белоруссию, входящую в «Союзное государство». Странно и нелепо. Это называется в России «проблемой иностранного номинального держателя». Лучшие умы ФКЦБ и теперь ФСФР бьются над этой проблемой уже много лет, хотя при желании ее можно решить в течение одного месяца. Что ж, видимо, придется подождать еще, пока кто-то кого-то куда-то не клюнет.

Депозитарии не могут интегрировать рынки. Для этого должна возникнуть потребность реальной экономики и осознание этой потребности властями. Однако можно сказать наверняка, что если реальные процессы действительно начнутся, то депозитарии не станут для них тормозом. И в этом заслуга нашей ассоциации, которая теперь (пока авансом) признана уже и на «мировом» уровне, вместе с аналогичными ассоциациями Европы, Америки, Юго-Восточной Азии и другими. То есть можно сказать, что, создав свою ассоциацию, мы закрыли белое пятно на глобусе. Хотя немного смешно, но все-таки приятно.

Б. В. Черкасский

Что же касается интеграции фондовых рынков стран СНГ, то мне она кажется для наших стран очень нужной, полезной, выгодной и вполне осуществимой. Но это тема для отдельного разговора. Думаю, что должных усилий в этом направлении до сих пор не было приложено. Пока одни только слова.

Краткий эпилог, или жизнь после Центрального банка

Подходил к концу 1999 год, и жизнь в Центральном Банке становилась другой. Многие из тех, с кем я работал с 1993 года, ушли, возможностей что-то сделать становилось все меньше, атмосфера сильно изменилась. И я, приняв решение поработать в реальной депозитарной жизни, в самом конце 1999 года тоже ушел из Банка России. Реальная депозитарная жизнь оказалась непростой, хотя не менее интересной. Но это уже совсем другая история. Прошло еще слишком мало времени и рассказывать про эту жизнь, хотя и есть что, но рано. Будет более чем благоразумно на этом месте поставить многоточие...